

ВИКТОР ВЕРСТАКОВ

ВЕК ДРУГОЙ И ДРУГАЯ ВОЙНА

ПСАЛТИРЬ

Какие страшные слова,
какие злобные призывы...
А всё-таки Псалтирь жива,
пока в России люди живы.

Он и в деяньях был такой,
сей царь Давид, певец и воин,
карая собственной рукой
тех, кто был Бога не достоин.

Высокомерный иудей,
ревнивый, яростный, жестокий,
он сладострастие идей
вносил в расплавленные строки.

Так почему поныне мы,
смирненные сыны России,
читаем гневные псалмы
и поражаемся их силе?

ВЕРСТАКОВ Виктор Глебович родился в 1951 году в семье офицера-фронтовика. Окончил Военно-инженерную академию имени Ф. Э. Дзержинского. Полковник в отставке. Автор нескольких стихотворных книг. Член Союза писателей России. Живёт в Москве и тверской деревне Бирюльки.

Не в смысле дело, не в словах —
они в псалмах важны едва ли, —
а в том, что тыщу лет в церквах
их наши предки бормотали.

БАБА ГАЛЯ

Ей бы зубы подлечить и вставить,
и одежду помоднее справить,
выспаться, подкраситься чуть-чуть —
было б любо-дорого взглянуть!

Только в исторической Смердыни,
что Лесным районом стала ныне,
на краю владения Твери,
тяжко бабам жить, чёрт побери!

Мужики спиваются идохнут,
земли нераспаханные сохнут,
школы и больницы на замке,
пусто на душе и в кошельке.

Для чего поэзия и проза,
если ни завода, ни колхоза
не осталось на родной земле —
лишь церквушка теплится в селе.

Баба Галя ходит на обедни,
робко причащается последней,
горбится, скрывая стать и рост,
и домой бредёт, как на погост.

Мы друг другу нравимся, но тайно.
Если даже встретимся случайно,
то проститься поскорей спешим.
Бабе Гале тридцать с небольшим...

ТАТУИРОВКА

Потускнели друзей имена,
пожелтела та фотобумага,
где за кадром бушует война,
а на лицах блистает отвага.

Победили, семью завели,
кто в сражениях не полегли,
и война за любовью, за бытом
стала снимком в альбоме забытом.

Помню, лет этак в шесть или пять
я смотрел на отца, как неловко
он пытался, чтоб маму унять,
с кисти вывести татуировку.

Мать зудела тогда на него,
обзывала аж вором в законе
за четыре-то буквы всего —
имя друга военного: “Лёня”.

И отец добросовестно тёр
эти буковки пористой пемзой,
прикрываясь улыбкой нетрезвой,
словно бы и всамделишный вор.

И остались четыре пятна
на отцовской израненной коже.
...Век другой, и другая война,
остальное всё будет похоже.

* * *

Что, если будущего нет?
Не потому, что белый свет
вдруг станет темнотою
межзвёздную пустою,
и люди обратятся в прах,
не одолев последний страх
пред вечностью и Богом
за ядерным порогом.

Нет, человечество вполне
сумеет жить и на Луне,
и на любой планете,
на том и этом свете.

Людские выживут тела,
но без души. И все дела.

У ОЗЕРА

В деревне избушка стояла,
в ней жил офицер отставной.
И дела ему было мало,
что станется с бывшей страной.

Он дрался в горах Гиндукуша,
он Ближний Восток усмирял,
губил свою грешную душу,
а всё-таки не потерял.

Но скоро держава родная
пошла добровольно ко дну.
— Такую страну я не знаю, —
сказал он и бросил войну.

Уехал в деревню глухую
у озера между лесов,
забыл там про службу лихую
и душу закрыл на засов.

Он с лодки железной рыбачит,
он русские песни поёт.
А если случайно заплачет,
то выпьет, и это пройдёт.